

сы, искал «волос-крикун». Амазонка-воспитанник вскрикивал, а государь, довольный, смеялся и говорил:

— Нашел, нашел фальшивую амазонку.

После спектакля государь любил читать рецензии и строго карал недобросовестных критиков: так, однажды Василько-Петров и Сорокин были посажены даже на гауптвахту; внимание и любовь государя к актерам были безграничны — одним словом, театр любил Николай Павлович всей душой, истинной любовью, и память августейшего театрала, со дня смерти которого, между прочим, в нынешнем году исполнилось 60 лет, в истории русского театра незабвенна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Théâtre Michel — Михайловский театр, ныне Академический театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского, построен в 1831—1833 годах, архитектор А. П. Брюллов.

² Каменноостровский деревянный театр, ныне пустует, построен в 1827 году, архитектор С. Л. Щутов, многократно перестраивался. Рядом с театром были построены несколько домов, в которых летом жили актеры, дома эти были снесены в 1970-х годах.

³ Александринский театр, ныне Академический театр драмы им. А. С. Пушкина, построен в 1832 году, архитектор К. И. Росси.

⁴ En face (франц.) — фронтально, перед собой.

БИБЛИОФИЛ

МАРК ГОРДОН

ПЕРВАЯ БИБЛИОТЕКА ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

За последнее время заметно возрос интерес читателей к жизни и творчеству Игоря Северянина, одного из самых талантливых и самобытных русских поэтов нашего века.

Ставший более свободным доступ к архивам и книжным фондам даст нам возможность ознакомиться с теми произведениями поэта, которые были написаны им за рубежом и по своему художественному уровню заслуживают опубликования у нас.

В краткой заметке я хочу остановиться лишь на одной из этих книг. Вот ее полное название: «Игорь Северянин. Падучая стремнина. Роман в 2-х частях, иллюстрирован Вл. Белкиным. Обложка работы Крупенского. Том XVII. Издательство Отто Кирхнер. Берлин, 1922».

Перед нами своего рода лирическая исповедь в стихах, несущая автобиографический характер. Она открывается рассказом Игоря Се-

верянина о его юности, протекавшей в Гатчине, где снимала дачу его семья. Здесь к нему пришла первая любовь. Его избранницей оказалась молоденькая девушка, дочь гатчинского дворника Злата. Жизнь вскоре разлучила влюбленных (социальное неравенство, вмешательство более предприимчивых женщин), но чувство и память о своей любви они пронесли через всю жизнь. С этим рассказом о первой любви тесно связан другой — о первой, собранной юным поэтом библиотеке, которую ему пришлось принести в жертву ради любимой. Но лучше предоставим слово самому поэту.

Еще участь, стал собирать я книги.
В два года, проведенных в Петербурге,
Мне удалось томов в 500 с любовью
Составить библиотеку, где были
Все классики и много иностранных

Фантастов с Мариэттом по главе.
 Я к фантастической литературе
 Питал с младенчества большую склонность
 За благородство бедных краснокожих,
 За чистоту отважных амазонок,
 За красоту тропической природы,
 За увлекательный всегда сюжет.
 Густав Эмар, Майн-Рид, Жюль Верн и Кунер,
 Андро Лори, Луи де Буссенар
 И Нембертон, — не вам ли я обязан
 Живою фавулой моих стихов.
 Но Эдгар По, Джек Лондон с Копап-Дойлем
 Меня не привлекали никогда.
 Из мистиков любил я Метерлинка
 И в Лохвицкой улавливал полет.
 Затем, из скандинавцев, — Генрик Ибсен,
 Едва ль не первый эгофутурист —
 Оскар Уайльд и Бернард Шоу явно
 Влияние имели на меня.
 Из классиков — Тургенев с Гончаровым
 Излюблены мной были. Русских женщин
 Они постигли сущность. Мопассан
 Гуманность воспитал во мне, и Пушкин

Мой стих всегда заботливо яснил.
 Благодаря хождениям постоянным
 По операм и к музыке влечению,
 Мои стихи исполнены мелодий.

 Решил во имя торжества весенней
 Любви большую жертву принести.
 Послушайте, не смейтесь: для поэта
 И юности пятьсот переплетенных
 В сафьян и коленкор томов, любимых
 Писателей продать — не жертва ль это?
 Лишиться их в один несчастный день,
 Не с детства чуть ли книги собирая,
 Еженедельно с них стряхая пыль, —
 Не жертва разве? Как для вас — не знаю,
 Но для меня был труден этот шаг.
 И вот из Александровского рынка
 Велел позвать я Марью букиниста
 И библиотеку, тоскуя, продал
 За семьдесят рублей... На эти деньги
 Я нанял Злате комнату поближе
 К себе и стал с утра к ней ежедневно
 Ходить и с нею проводить все дни...

ГОРОД ПРИВЫЧНЫХ ЛИЦ

АНАТ. ПЕТРОВ

«БОЛЬНАЯ СОВЕСТЬ НАША» В НАШЕ ВРЕМЯ

Они и здесь, на бульварчике перед Владимирской площадью, видятся обособленным, особым, как и положено ему быть в соответствии с особым его положением в мировой литературе, и усталым видится, и утомленным решением «проклятых вопросов», болезнями, долгами, страстями и неустанным прониканием пластов (о, каких еще!), пластов времени провидческим взглядом Человека, которому многое дано знать и понимать, но этим же знанием и этим же пониманием печалиться и в размышлениях над судьбами людскими бессильно опускать руки: он *видит*, но и в то же время как смертный, а не как Господь Бог, ничего, ничего не может ни изменить, ни подаривать.

На коленях у него — цветы, они не увядают: их приносят оханками буруеваемые сомнениями и антисомнениями бедствующие, но целеструсленные студенты; их приносят вечные Сопечки Мармеладовы (воп они сразу же за углом метут тротуары пазыми хвостами); их приносят бедные люди — очень уж бедные и убогие; их приносят Алеша Карамазовы с горящими верою глазами; их приносят князя Мышкины, и по сию пору непамерно пытающиеся казнить и миловать добротою; их приносят Мечтатели с ясными, как белые ночи, глазами; да и город весь